

ни один солдат не захотел бы воевать снова. А американцы не стали вмешиваться в чужой конфликт. И совещание отвергло предложение маршала, а вместо этого постановило: военных на заседания больше не допускать, чтобы не приносили таких новостей и не вносили подобных предложений (Минц 1945: 25—26).

Правда ли после этого, что Европа могла помочь белым больше, чем помогла? А когда к 1924 г. она оправилась от последствий войны (с помощью американских займов), когда наступил краткий период «просперити», — для белых было уже поздно. И можно ли смешивать шок, испытанный эмигрантами первой волны (как бы он ни был психологически понятен), с вечными интересами России и Европы?

III.20. Самодовлеющий активизм *resp.* эстетизм

*Быть может, всё в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.*

В. Я. Брюсов. Поэту

Наконец, отметим вкратце и такую черту: для романтически настроенных авторов прошлое (а значит — и настоящее, готовящееся стать прошлым) — прежде всего арена ярких событий, «зрелище богов» (А. Камю). Вот Розенберг пророчит «революцию рас»:

«Существо сегодняшней всемирной революции лежит в пробуждении расовых типов. Не только в Европе, а на всём земном шаре. Это пробуждение — это органическое встречное движение против последних хаотичных побегов либерально-экономического империализма торговцев, объекты эксплуатации которых от отчаяния шли в тенёта большевистского марксизма, чтобы заканчивать то, что начала демократия: искоренение расового и народного сознания» (Rosenberg 1934: 479—480).

Что-то вроде: «националисты всех наций, соединяйтесь». Как такой союз («органическое встречное движение») был бы возможен, остаётся непонятным. Впрочем, возможно, речь идёт не о союзе, а о наступлении эпохи новых мировых войн. Ведь Индия и Китай даже теоретически не включались им в планы арийского господства в Европе. Розенберга, с его-то характером, такое будущее не должно было пугать, как и многих, кто в мирных условиях может сделать лишь скромную и скучную карьеру, а для «великих дел» нуждается в развале и хаосе, при которых может действовать бесконтрольно. В любом случае, картина войн с нашествием какого-нибудь нового Аттилы воспринималась такими людьми с чисто эстетической точки зрения. Правда, на детском уровне: «вот сейчас оно ка-ак шархнет!»... Хватит, впрочем, уже и того, что эстетике у него посвящена треть книги.

Заметим, однако, что уже здесь практически исключается нордизм в духе Гобино и Косинны, считавший арийцев единственными создателями всего, что есть в мире ценного, и единственными носителями мощи. Получается, что у них возможны соперники, притом небезуспешные. Розенберг упоминает их — нередко, хотя и голословно: индийцы, китайцы, африканцы, «исламский фанатизм».

Эти идеи явно от немецких романтиков, от Вагнера и Ницше с их пониманием «творчества» (Schöpfungertum) как самоцели. Напомним, что даже «сверхчеловек» у Ницше — это вовсе не «расово чистый» Übermensch и не безмозглый, зато

мускулистый и вооружённый до зубов *superman*, а прежде всего — творец великих иллюзий, создатель новых ценностей, за которыми могут следовать другие люди. А поскольку сама по себе жизнь не имеет ни смысла, ни цели, то его «творчество» — лишь игра бьющих через край духовных сил и созидательных потенций, как у «совершенно неморального Бога-художника» (*Рождение трагедии*, Введение, 4). Его борьба с судьбой — такое же «зрелище богов», как у «абсурдного человека» А. Камю. Результат же этой борьбы неважен: его всё равно смоеет река времён. Отсюда и вытекает принципиальный вывод: «миф Мифа» — это «миф творческого могущества, вообще способности порождать миф» (Лаку-Лабарт, Нанси 2002: 49). Все прочие результаты творчества — книги, статуи, великие державы, философские системы или великолепные жесты, — всё это мимолётно, не в этом дело.

Крупнейший марксистский эстетик XX века Дьёрдь Лукач (1934) видел в розенберговском эстетизме проявление декадентства — чисто интеллектуальной и моральной критики капитализма (эпохи его упадка, как он считал), но при этом отмечал малооригинальность Розенберга по сравнению, например, с Ф. Ницше. Фактически он лишь добавил идеи расизма к действительно горьким и глубоким истинам автора *«Заратустры»*, которые сам не только не открыл, но и не сумел толком понять. По мнению Д. Лукача, «если чуть-чуть (не слишком, а именно лишь чуть-чуть) упростить эти высокопарные фразы, то за ними тотчас же открываешь “вечные ценности” Альфреда Керра, критические точки зрения Альфреда Польгара, литературные мотивы Георга Кайзера или Роберта Музиля, — словом, эстетические принципы либерально-еврейской “асфальтовой литературы”, декадентского “ублюдочного искусства”» (там же).

У Л. Н. Гумилёва мы находим тот же эстетический взгляд на историю, что и естественно. Дело не только в его воспитании, пришедшемся на Серебряный век, во многом унаследовавший идею Новалиса о «поэтизации мира». После того как сняты все прочие критерии прогресса, эстетика остаётся единственным оправданием происходящему. И если события входят хоть в какое-то мирное русло, автор сокрушается: «Как видите, спад пассионарности для культуры сыграл роль весьма прискорбную» (Гумилёв 1990: 110). Пассионарий — прежде всего активный деятель, творец масштабных исторических событий (в чём бы они ни заключались), и симпатии Гумилёва — всегда на его стороне. Зато пассивный «гомеостаз» (сохранение равновесия с природой, из рамок которого люди не пытаются выбиться) обычно не привлекает благосклонного внимания этого автора.

Стоит привести одно из многочисленных гумилёвских определений: «Творчество — направленность поведения, возникающая в популяции вследствие пассионарного толчка» (Гумилёв 1997: 609). Следовательно, в его основе — не создание ценных, общезначимых результатов, а лишь сильно волевое и неутилитарное поведение. От такого слова русский глагол совершенного вида — не *сotворить*, а *натворить*. Такое «творчество» чем-то напоминает стиль жизни китайской духовной элиты III—VI вв. н. э. — «ветер и поток» (*фэнлю*), когда ценилась прежде всего эстетическая сторона и неповторимость любого поступка. Известен рассказ о монахе Дае (IV в.), который умер, встав на голову, лишь потому, что никто до него не умирал в такой позе. Однако у такого поведения были свои объяснения (см.: Бейжин 1982), не сводящиеся к иррациональному импульсу «пассионарного толчка» —

то есть только к тому, что человек не способен жить спокойно, а почему да зачем — и сам не знает.

Итак, и для А. Розенберга, и для Л. Н. Гумилёва эстетика — единственный конечный смысл любого действия, а идеал человека — активный творец ради «чистого творчества» (ср.: Лукач 1934). Активность — ради активности, великолепное зрелище — её единственная цель. Это значит, что под «эстетизмом» Мифа следует понимать оправдание исторических действий лишь их эстетической стороной и отсутствие для них другого основания. «Активизм» же при этом означает призыв к действию самому по себе, лишь бы результат оказался впечатляющим. И то, и другое возможно лишь с точки зрения, что мир — *прежде всего* театр, а у истории нет другого смысла, кроме грандиозного шоу (Schau).

В принципе, с таким взглядом мог бы согласиться и О. Шпенглер, пафос которого, как отметил К. А. Свасьян (1993: 121), как раз и состоял в защите культуры: «Я не могу жить без Гёте, без Шекспира, без старой архитектуры». Об этом у него говорится прямо: «Культура, как совокупность чувственно-ставшего *выражения* души в жестах и трудах, как тело её, смертное, преходящее, подвластное закону, числу и казуальности; культура, как историческое зрелище, как образ в общей картине мировой истории; культура, как совокупность великих символов жизни, чувствования и понимания: таков язык, которым только и может поведать душа, как она страждет» (Шпенглер 1993: 344).

С другой стороны, А. Дж. Тойнби даже не рассматривает подобную точку зрения. Нет её и у «гиперборейских» авторов — Г. Вирта и В. Н. Дёмина. Их миры глубоко статичны, и лишь внешние воздействия вызывают в них какие-то перемены.

Кн. Трубецкому идея эстетики как самоцели также глубоко чужда. Для него, как для любого религиозного автора, подобный взгляд неприемлем: ведь Бог для него и есть гарант осмысленности и человеческой жизни, и истории. Эстетизм возникает лишь там, где такой осмысленности нет.

Эстетизм как идейное течение возник в XIX веке, в эпоху секуляризации мысли и торжества ценностей гуманизма и индивидуализма. В то время он сыграл весьма прогрессивную роль, обосновав автономию искусства. Отныне художник не был обязан подчиняться ни власти, ни идеологическому заказчику, — напротив, всё в мире становилось лишь средством «для ярко-певучих стихов», эстетика сама могла оправдать всё. Достаточно вспомнить образ «совершенно беззаботного и неморального Бога-художника, который как в созидании, так и в разрушении, в добром, как и в злом, одинаково стремится ощутить свою радость и своё самовластие, который, создавая миры, освобождается от гнёта полноты и переполненности, от муки сдавленных в нём противоречий» (Ницше, *Рождение трагедии, Опыт самокритики*, 5). Однако в XX веке эстетизм проник и в сферы, по определению связанные с личной ответственностью и потому не допускающие индивидуализма. Очень соблазнительным он оказался для политиков, лишившихся представления о своей ответственности — будь то перед Богом или перед своими гражданами. Доктрину политики как «искусства для искусства» едва ли не первым выдвинул Б. Муссолини (Mussolini 1926; см. I.6.1). Потому-то один из выводов Нюрнбергского процесса гласил: нельзя понимать политику как искусство, это ведёт к преступлениям.

Кстати, а чем вообще арийцы лучше всего прочего народа? Обычно им приписывается «творческая сила» или «творческая воля» (см. III.20), которой-де лишены

остальные. Не будем уж напоминать, что культура ориньяка и мадлен не настолько высока, чтобы народы «прото-Евразии» или, например, Австралии не прошли эту стадию самостоятельно — ещё до прихода предполагаемых культуртрегеров. Но стоит обратить внимание на следующее. По Г. Вирту (как излагает его мысль А. Г. Дугин), «Атлантический цикл — это поздний палеолит (Магдаленский период 22—10 тыс. лет до Р.Х.)» (Дугин 1993: гл. I)⁷². Итого 12 тысяч лет. И это — лишь ключительный этап истории «атланта-нордов». Предшествующая их история ещё длиннее: «В третичном периоде эти два человечества — Арктогеи и Гондваны — существуют, не пересекаясь. В начале четверичного периода северная раса начинает движение к Югу...» (там же). Итого расцвет Арктиды и нордической цивилизации длился *десятки миллионов лет*. На этом фоне оценку А. В. Барченко, по мнению которого, «“золотой век” её в северных широтах продолжался 144 000 лет и завершился 9 тысяч лет назад исходом индоариев на Юг во главе с предводителем Рамой» (Дёмин 1997: 10), приходится считать ещё очень скромной.

И за все эти бессчётные века они не сотворили ничего, кроме «первичной религии», которую и сохраняли в неизменности! Да и этим достижением они были обязаны не столько своей «духовности», сколько особенностям северной природы с её полярными днями и ночами!

«Вышедшая с Севера пра-раса, носительница Пра-религии сталкивается с природными и антропологическими препятствиями для сохранения Пра-религии в ее чистоте: *природные космические условия теперь отличаются от арктических, что вносит изменение в универсальный пра-язык*, а смешение со звероподобным населением Гондваны замутняет эмоцией и инстинктом божественную мысль у потомков смешанных браков» (Дугин 1993: гл. I; выделено мной — А. М.).

Что же это за «божественная мысль», к которой «пра-раса» столько веков не умела прибавить ничего нового? Оказывается, она сводится всего лишь к гармонии с природой:

«Пра-религия нордической расы была лишена сложных теологических абстрагированных схем. Она противоположна вере в сверхъестественных существ, верованиям в “демонов” или “богов”. Она не анимизм, не пантеизм, не фетишизм. Пра-религия северной расы была чистым Монотеизмом, но не философским и отвлечённым, а конкретным, опытно-переживаемым в непосредственном ритме Божьего Мира, Божьего года и Божьего человека» (там же: гл. V).

Иными словами, религия эта была чисто созерцательной — эмоциональным переживанием климатических явлений. И в этом состоянии «высшая раса» со всем своим «творческим потенциалом» жила миллионы лет (или пусть даже «всего лишь» сотни тысяч), пока климатическая катастрофа не вынудила её покинуть свой первозданный рай. Где же тут вообще творчество? Это картина глубочайшего застоя! Во всяком случае, по «официальной» истории, евреям для перехода от глупого язычества к строгому монотеизму потребовалось лишь около 800 лет — от религиозной реформы, связываемой с именем Моисея (примерно XIII в. до н. э.), до миссии Ездры и Неемии и окончательной редакции Торы (середина V в. до н. э.).

---

⁷² Искажённые написания: «Ауриньяк» (вместо «ориньяк»), «Магдаленский» (мадлен) и прочие — на совести самих «гиперборейцев» и их переводчиков. Впрочем, если подробно анализировать все опечатки в их книгах, есть риск никогда не вернуться к сути дела.

Такая точка зрения не только лучше согласуется с имеющимися фактами, но и куда более лестна в отношении человеческих возможностей.

Итак, мы достаточно знакомы с *содержанием* изложенных Мифов. Теперь следует выяснить, *как* они сделаны, какова *технология* их создания.